

Султан, упрекнув его в том, что он не употребил этих сокровищ на защиту города и царя, приказывает его казнить, предварительно убив на его глазах двух его сыновей. Повидимому, Франтца, близкий к высшим политическим сферам, заслуживает в данном случае доверия. Впрочем, сообщение Искандера не противоречит ему: Лука, привлеченный к ответственности за бегство царицы, мог надеяться откупиться своими сокровищами.¹ Если в данном случае можно отдавать преимущество сообщению Франтцы, то в следующем случае это преимущество должно принадлежать Искандеру. При осаде города, по свидетельству современников, большую роль играла сильная артиллерия Магомета, в частности, обратила на себя внимание огромная пушка, которая и должна была разрушить славившиеся своей высотой и крепостью стены Константинополя; об этой пушке вспоминают современники,² говорят о ней и Франтца, и Искандер. Франтца, сидевший в городе, мог о ней сообщить немного. Эта большая пушка при выстреле лопнула и разлетелась на части, причем погибло много артиллеристов, ее обслуживавших. Султан был огорчен неудачей и приказал отлить новую, покрепче. Искандер (находившийся в то время еще в турецком лагере) дает ряд подробностей, которых не записал или не знал Франтца. Сообщив о том, что у турок было две больших пушки, отлитых здесь же, в турецком стане, он далее говорит только об одной большой пушке. Первыми двумя выстрелами из нее была расшатаана стена и сбито сажень пять стены. На следующее утро выстрелом из этой пушки сшиблено было семь зубцов стены, после чего, однако, удачным выстрелом из пушки Зустунья разбит был зелейник большой пушки, что привело в ярость Магомета, и он приказал ее починить. Через 25 дней из пушки, стянутой железными обручами, попробовали выстрелить, но пушку разорвало, и султан приказал отлить новую пушку. Эта новая пушка и довершила разрушение стены (12, 16, 19).

Из приведенных для примера сопоставлений можно заключать, что Искандер не зависит от Франтцы в „константинопольской“ части своих записок (пользуясь рассказами жителей Царьграда иначе, нежели Франтца), а тем более в „турецкой“ части записок. Если сведения этих авторов совпадали преимущественно в том, что касалось городских событий, то объясняется это общностью источников — тех рассказов, которые циркулировали в городе после взятия. Ценность сведений, сообщаемых повестью, заключается в том, что Искандер, хотя и по чужим рассказам, поставив задачу описать самую борьбу греков и турок за Константинополь, дает особенно много подробностей этой борьбы, дополняя тем Франтцу, который имел более общую задачу — изложить историю последних лет существования греческого царства и падения его — и не находил нужным уделять так много внимания военным, подчас незначительным эпизодам борьбы. Конечно, и сведения, сообщаемые Искандером, могут быть приняты только после их проверки другими источниками. В этом отношении сопоставление с записками Франтцы говорит за то, что эту проверку повесть может выдержать с успехом.

¹ Интересно, что „Иной перевод“ подтверждает отчасти подробность о сыновьях Луки: в числе убитых по приказу султана и князей был и „господин Лука, ему же власть была велика у самодржца: убиену бывшу пред очима его болшему сыну, другому ж в незаконную потребу съхранену, секирою рассечеса. Того ж другия два сынове на брани падоша“ (А. Попов, ук. соч., стр. 91). Видимо, что-то подобное описанному у Франтцы, было и в действительности.

² Сохранилось даже имя инженера, отлившего эту пушку, — Урбан.